

УДК 930.23

**ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ РУКН АД-ДИНА БЕЙБАРСА
В ОСВЕЩЕНИИ ИМ МЕЖДОУСОБНОЙ ВОЙНЫ
В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В КОНЦЕ XIII – НАЧАЛЕ XIV ВЕКОВ**

А.А. Порсин

(Московский психолого-социальный университет)

В статье рассматривается вопрос о личности анонимного информатора Рукн ад-Дина Байбарса, который был свидетелем последней битвы Ногай против Токты в 1299–1300 году и сражения между войсками коалиции Таза и Тунгуза против Джеки в 1300–1301 году. Автор приходит к выводу, что информатор Байбарса входил в золотоордынскую элиту и был близок к дочери Ногай Тогулдже и ее мужу Тазу. После прихода к власти хана Узбека и убийства Таза и Тунгуза, в Египет было отправлено посольство с подарками, в числе которых было несколько захваченных противников нового хана. Возможно, что среди них был и участник войны в Золотой Орде в конце XIII – начале XIV века. Причиной такого шага были их родственные связи с новой джучидской элитой, не позволяющие их убить без угрозы кровной мести. Посольство прибыло в Египет в конце 1317 года, видимо, после этого в «Зубдат ал-фикра» и было включено повествование, посвященное войне XIII – начале XIV века в Улусе Джучи.

Ключевые слова: Золотая Орда, Египет, Ногай, Таз, Узбек, *Зубдат ал-фикра*, Рукн ад-Дин Бейбарс, посольство, аманат.

90-е годы XIII века – это трагический и противоречивый период в истории Золотой Орды. Противостояние между Ногаем и сарайским ханом Токтой вылилось в междоусобную войну, поставившую улус Джучи в крайне тяжелое внешнеполитическое положение.

Изучение золотоордынской истории XIII века, как известно, осложняется отсутствием внутренних источников, созданных в рамках этого социума и подробно освещающих события с точки зрения представителей его элиты. Данный период, в каком-то смысле, является исключением. Помимо описания этой войны в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, большого, но испытавшего сильное влияние средневекового эпоса, рассказа Марко Поло и кратких упоминаний в русских летописях, есть крайне подробное и изобилующее деталями внутривнутриполитической ситуации того периода повествование, содержащееся в труде Рукн ад-Дина Бейбарса «Зубдат ал-фикра», автор которого являлся современником описываемых событий.

Впервые мысль о том, что повествование Бейбарса является рассказом свидетеля произошедших событий, насколько нам известно,

высказал Д.С. Ричардс [7, с. 87]. В тексте Бейбарса действительно говорится о том, что подробности бегства сыновей Ногая после поражения рассказывал ему очевидец сражения. То же уточнение автор приводит и при описании сражения между войсками Джеки с армией Тунгуза и Таза [7, с. 103, 105]. Таким образом, значительная часть этой военной кампании записана со слов очевидца событий. Целью данной работы является попытка установить если не личность свидетеля, то его примерный статус в Золотой Орде и роль, которую он играл в описываемых событиях. Сложность возникает, прежде всего, с тем, каким образом отделить позицию самого Байбарса от позиции информатора. Рассказ не записывался дословно, о чем говорят только два указания на события, которые информатор видел лично. Стоит отметить, что автор «Зубдат ал-фикра» писал, соблюдая максимальную беспристрастность и, по крайней мере, открыто не демонстрировал своих политических и религиозных пристрастий. Поэтому, по характеру освящения событий и отдельным деталям описания можно реконструировать позицию самого информатора, пусть и гипотетически. Стоит сразу оговориться, что автор данной статьи не является востоковедом, и она может рассматриваться исключительно в качестве постановки давно назревшей проблемы.

Интересующий нас отрывок из «Зубдат ал-фикра» достаточно четко выбивается из крайне скупых сообщений Байбарса, основанных на данных его золотоордынских информаторов и материалах дипломатической службы. Из сочинения Байбарса он перешел с теми или иными изменениями в труды ан-Нувайри, Ибн Хальдуна и ал-‘Айни. С определенной уверенностью можно сказать о том, что отрывок начинается с повествования о смерти Толабуги. В предыдущем рассказе о походе Толабуги в землю Краковскую слиты воедино события двух походов – на Венгрию 1285 года, и на Польшу 1287 года [3, с. 136–137]. Информация явно попала к Байбарсу через «третьи руки», и ее источник крайне слабо себе представлял реалии политической борьбы на западе Золотой Орды во второй половине 80-х годов XIII века. Вопрос о том, на каком этапе своего повествования Байбарс перестает пользоваться сообщениями золотоордынского информатора, будет рассмотрен ниже. Он напрямую связан с еще неоконченной дискуссией по поводу даты завершения им своего труда [31, р. 39–40].

Для начала стоит определиться с кругом данных, известных информатору, и тем, какая конкретно сторона военно-политического противостояния ему наиболее близка.

Он достаточно хорошо осведомлен о подробностях интриги Ногая, в результате которой были убиты Толабуга и другие Джучиды, входящие в правящую коалицию. Ему известны не только имена убитых царевичей, но и подробности заговора, а также способ казни [7, с. 97–98]. Общая канва описанных событий, в общем, соотносится с повествованием Рашид ад-Дина на эту тему [8, с. 121–123].

Информатору известны не только подробности пребывания Байлакхатун в ставке хана и ее переговоров с Токтой, но и поименный список эмиров, убитых по просьбе Ногая [7, с. 98]. Здесь же перечисляются дети Ногая, причем явно подчеркивается брачный союз дочери Ногая Тогулджи и Таза, сына Мунджука. Интересно то, что Байбарс не называет Таза отцом Актаджи, а просто указывает на факт того, дочь Ногая была замужем за Тазом.

Тут стоит разобрать одно достаточно важное противоречие, иногда возникающее при анализе этого события. Описание приезда Байлакхатун к Токте и казнь эмиров, с приведением их подробного списка, относится Байбасом к декабрю 1292 – 1293 года. Ниже в «Зубдат ал-фикра» приводится следующее сообщение: «В 693 году (2 дек. 1293 – 20 нояб. 1294 г.) Ногай, сын Татара, сына Могола (sic), сына Душихана, сына Чингизхана, правитель в Северных областях, казнил множество Татар. Мы уже говорили о том, как он выдвинулся и усилился в этих странах, благодаря жене царя их Менгутемира, по имени Джиджекхатуни. Она правила (государством) во времена мужа своего и в царствование Туданменгу, севшего на престол после него. Стал им в тягость гнет ее, и они пожаловались на нее Ногаю, который приказал задушить ее. Она и была задушена; вместе с нею был убит эмир, который находился под ее защитой и выполнял приказания ее. Имя его Байтара».

Многие авторы рассматривают эти два сообщения как описание разных событий [13, с. 131–132; 23, с. 72; 16, с. 66]. Подобный вывод вряд ли является верным. Дело в том, что имя убитого по приказу Ногая эмира Байтары фигурирует в обоих сообщениях, из чего можно сделать вывод о том, что перед нами два различных описания одного и того же события. Как могла возникнуть подобная путаница? Сообщение, датированное 1293–1294 годом, крайне интересно. Во-первых, Ногай назван правителем Северных областей, то есть Золотой Орды. Во-вторых, дана отсылка к некому, недошедшему до нас сообщению о возвышении Ногая при помощи Джиджекхатун. Насколько нам известно, это сообщение отсутствует в сохранившихся рукописях «Зубдат ал-фикра». Но, несколько раньше, при описании правления Берке Байбарс говорит следующее: *«Затем приняла ислам его супруга Джиджек, она приказала построить для нее мечеть из палатки, которую возили туда, куда бы она ни направлялась и ставили везде, где бы она ни останавливалась. Из ее дел и дел ее супруга было то, что будет (позднее) упомянуто нами»* [7, с. 114].

Можно предположить, что Байбарсом к началу 90-х годов XIII века была записана относительно краткая история золотоордынских правителей, содержащая историю принятия ислама Берке и Джиджекхатун, недошедший до нас отрывок о возвышении Ногая, видимо относящийся к правлению Менгу-Тимура или Туданменгу. Возможно, повествование завершилось указанной выше цитатой о казни Джид-

жекхатун и ее эмира Байтары правителем Северных областей Ногаем, хотя нельзя исключать и существования более поздних сообщений. Изменившаяся в начале XIV века политическая ситуация в Золотой Орде и знакомство Байбарса с крайне информированным участником событий, вынудили автора вставить в текст дошедший до нас подробный рассказ о судьбе Ногая и его детей. Судя по тому, что рассказ о возвышении Ногая при помощи Джиджекхатун не известен другим авторам, можно предположить, что он был удален еще в период написания «Зубдат ал-фикра».

Скорее всего, данное противоречие было отмечено некоторыми средневековыми авторами. У ан-Нувайри этот эпизод отсутствует, хотя установленным считается факт того, что описание 90-х годов XIII века в Золотой Орде взято им из работы Байбарса [30, с. 33]. У Ибн Хальдуна он есть, но, явно искусственно и с нарушением логики повествования, вставлен в описание начала противостояния между Ногаем и Толабугой [7, с. 272].

Информатор Байбарса выделяет из всех действующих лиц Таза сына Мунджука, фигуру в этой истории если и не второстепенную, то уж точно не ключевую. С точки зрения источника, именно бегство Таза стало одной из основных причин начала войны между Ногаем и Токтой [7, с. 99]. Имя Таза стоит первым в списке имен эмиров, поддерживающих Ногая [7, с. 100]. Следующим после него идет Тунгуз сын Каджана, с которым Таз впоследствии практически всегда будет действовать вместе. Имя отца Таза – Мунджука – стоит вторым в списке эмиров, поддержавших Токту в период его второго столкновения с Ногаем. Первым стоит имя Шибанида Тама-Токты (Муртада-Токты). При том, что имя Салджитай-гурэна, который согласно Рашид ад-Дину был ключевой фигурой в окружении Токты в рамках его противостояния с Ногаем, только пятое в списке [7, с. 102; 8, с. 123–124]. Таз и Тунгуз становятся главными действующими лицами в ситуации раскола в лагере потомков Ногая после убийства Теки Джекой. Само описание войны 1300–1301 года дано именно с точки зрения противников Джеки. Информатору известна причина разрыва Таза и Тунгуза с Джекой и даже ситуация, в которой принималось это решение – поход в земли Валлахов и Русских, подробности дальнейшей войны между ними, которые будут разобраны ниже [7, с. 105–106].

Вопрос о лидерстве в альянсе Таз – Тунгуз, видимо, должен быть решен в пользу последнего. Согласно Байбарсу, Джека после смерти Ногая сделал Тунгуза старшим эмиром и именно ему принадлежала инициатива ухода в земли Валлахов и Русских после убийства Теки [7, с. 105]. Исключая список эмиров, поддержавших Ногая, имя Тунгуза сына Каджана всегда стоит первым.

Информатору неизвестны детали первого столкновения между Токтой и Ногаем, но он приводит поименный список эмиров проногаевской коалиции [7, с. 100–101].

Зато он в курсе политической подоплеки и подробностей убийства внука Ногая, Актаджи в Крыму. Тут же уточняется его происхождение – его отцом был некий Таштмар [7, с. 101]. Согласно Ибн Хальдуну, который так же пользовался «Зубдат ал-фикра», отца Караджи (Актаджи) звали Таштемир [7, с. 272].

Крайне подробно описывается ситуация с уходом от Ногая потомков Куремсы – Абаджи, Караджина и Янджи – и их дальнейшая судьба. Описание – практически детальное. Информатор называет имя эмира (Кутугу), предавшего сыновей Куремсы, ему известны обстоятельства переговоров между ними и сыновьями Ногая, в том числе и роль матери Караджина в принятии решения отправится на переговоры [7, с. 101–102].

Описание второго столкновения войск Ногая и Токты заслуживает отдельного и более подробного рассмотрения. Информатор сообщает обширный перечень эмиров, поддержавших Токту. Ключевым здесь, естественно, является указание самого Байбарса на то, что: «Что же касается сыновей Ногая и тех, которые уцелели из войска их, то они скрылись под прикрытием ночи и тайком пробрались через массы войск Токты, откликаясь их лозунгом, чтобы они их приняли за своих. Лозунг же их, как рассказывал один из очевидцев сражения, был Итиль-Яик». Важен здесь не только факт того, что информатор был «свидетелем» сражения. Теоретически, пароль, принятый в войске Токты для опознавания своих, мог быть известен многим, но сами детали бегства Ногаидов и использования ими пароля «Итиль-Яик», мог знать только человек из их ближнего круга, скорее всего, отступавший вместе с ними. Это косвенно подтверждает и включение в повествование эпизода с неудавшейся разведкой сотника Буги, по результатам которой и стало известно о приближении войск Токты. Информатор не только запомнил имя этого второстепенного персонажа, но и факт гибели всех его людей, что с большой долей вероятности указывает его принадлежность к высшему командному составу армии Ногая, кругу лиц, информированных об этом событии и воспринимавших его как действительно важное.

Рассказ о гибели Ногая и о казни его убийцы создает впечатление официальной версии, распространенной не только в Золотой Орде, но и в Ильханате. Помимо «Зубдат ал-фикра», сходный по сюжету рассказ содержится и у Рашид ад-Дина [7, с. 103–104; 8, с. 126].

Подробно описывается ситуация с конфликтом между Джекой и Текой и гибелью последнего. Информатор явно осуждает поступок Джеки, и это осуждение вполне логично вписывается в дальнейшее повествование [7, с. 104–105].

Дальше идет подробный рассказ о расколе среди бывших сторонников Ногая. Убийство Теки спровоцировало войну между Джекой и союзом Таза и Тунгуза, закончившуюся вмешательством Ток-

ты, пославшего на помощь последним своего брата Бурлюка с войском, бегством Джеки в Болгарию и его гибелью [7, с. 105–106].

Эта часть повествования крайне важна для понимания политических интересов и статуса информатора, так как тут вторично указывается на то, что он был очевидцем сражения: «Он (Джека) одержал верх над ними, разбил и рассеял их, забрал в плен и нагребил, сколько хотел, и отнял у них опять свои ставки и свои стада. Рассказывал очевидец этого сражения, что сестра его (Джеки), Тугулджа, дочь отца его, Ногая, сидя на коне, сражалась против него (мужа своего) вместе с мужчинами. Когда муж ее и бывшие с ним были разбиты, то они обратились к Токте с просьбой о поддержке и умоляли (его) помочь им войском, с которым они могли бы сразиться против Джеки и снова отразить его».

Итак, информатор видел дочь Ногая Тогулджу, участвующую в сражении. Конъектура В.Г. Тизенгаузена «мужа своего», на наш взгляд, неудачна. Общий смысл сообщения понятен – Тогулджа сражалась не против Таза, а против своего брата Джеки. Вариантов того, каким образом информатор мог стать свидетелем этого эпизода, немного. Он либо сражался против нее, что крайне сомнительно, либо, что куда более вероятно, учитывая его внимание к Тогулдже и Тазу, находился рядом с ней во время битвы. Информатор так же в курсе не только бегства Джеки, но и его смерти [7, с. 106]. Стоит отметить, что у Рашид ад-Дина повествование обрывается на том, что Джека, оказался заперт в крепости [8, с. 126]. Вообще, 90-е годы XIII века, с точки зрения внутривосточной ситуации в Золотой Орде, у Байбарса описаны куда подробнее и ярче, чем у крайне информированного хулагуидского историка, что для соотношения арабских и иранских источников по XIII веку, является серьезным исключением.

Завершающая часть повествования Байбарса, основанная на сведениях о ситуации в Золотой Орде, полученных от анонимного информатора, содержит рассказ о междоусобной войне в улусе Орду после смерти Кончи и вмешательстве в нее Токты, который послал войско во главе с Бурлюком, разбившим Куйлюка. Дальше идет рассказ о заговоре сына Ногая, Турая, против Токты.

С эпизодом, касающимся войны в улусе Орду, возникает проблема с датировкой. В самом тексте «Зубдат ал-фикра», война между Ордуидами и заговор Турая датируются одинаково – 1301–1302 годом [7, с. 106–107]. Но в «ат-Тухфа ал-мулукийя фи-д-даула ат-туркийя» (Царский дар по части тюркского владычества), который, по одной из версий, является извлечением из «Зубдат ал-фикра», а по другой – самостоятельным сочинением, это событие датируется 1309 – 1310 годом [7, с. 116]. Аналогично это событие датирует и ал-‘Айни, пользовавшийся трудом Байбарса [7, с. 359–360]. Видимо, эта датировка является изначальной.

В повествовании о заговоре Турая и Сарайбуги стоит отметить несколько моментов. Во-первых, информатор достаточно неплохо осведомлен о деталях заговора. Во-вторых, здесь, пусть и не напрямую, но затрагивается тема владений Ногая на Яике. Впервые эта информация, отсутствующая в других источниках, сообщается в контексте раздела Токтой владений Ногая между своими братьями, детьми и приближенными после его смерти: «а Илбасар устроился на реке Иаик». Описание движения войска Сарайбуги говорит о том, что в повествовании, скорее всего, была допущена ошибка. После того, как Турай убедил Сарайбугу свергнуть брата, десяти тысячный отряд под руководством заговорщиков двинулся к ставке Токты. При этом ему потребовалось пересечь покрытую льдом Волгу. Но перед нападением на Токту, Сарайбуга решил встретиться с Бурлюком, видимо, пытаясь заручиться его поддержкой. Это решение стало для заговорщиков фатальным – их планы были раскрыты, а сами они казнены. Дело в том, что Бурлюк в этот момент, с очень большой вероятностью, находился на западных границах Золотой Орды. Именно он за год до этого был отправлен Токтой на помощь Тазу и Тунгузу в их противостоянии с Джекой. Также, именно он после заговора потребовал к себе внука Ногая Каракисека, бежавшего в Восточную Европу. Эти события происходили за западе Улуса Джучи на территории бывших владений Ногая, где находился Бурлюк и, по всей видимости, Токта. Очевидно, что для того, чтобы попасть туда, форсируя при этом Волгу, нужно находиться восточнее нее. Далее сообщается о том, что «Токта отправил сына своего Илбасара в то место, которое прежде отвел Сарайбуге, и тот устроился там взамен брата своего». Видимо именно после казни Сарайбуги, Илбасар и возглавил бывшие владения Ногая на Яике.

В-третьих, крайне интересно описание бегства Каракисека. Информатору известны многие детали: то, что вместе с ним бежали два его родственника Джериктемир и Йулктулу; то, что численность отряда беглецов составила 3000 человек; называется и место бегства – «в страну Шешимен, в местность, называемую Будул, поблизости от Кракова»; в тексте присутствует следующая оговорка: «Шешимен и соратники его приняли их у себя, и они остались у них, бродя по (разным) местам и прокармливая себя мечами (своими) до нашего времени» [7, с. 107–108]. Информатор уделяет этому, достаточно второстепенному эпизоду, большое внимание и демонстрирует свою высокую осведомленность. Более того, выражение «до нашего времени», по всей видимости, относится к периоду написания «Зубдат ал-фикра», а следовательно, можно предположить, что Байбарс, а скорее его информатор, располагали относительно свежей на тот момент информацией о судьбе Каракисека и его спутников.

Согласно сведениям информатора, одну из ключевых ролей во внутренней политике государства после смерти Ногая играет брат

хана Бурлюк. Именно он приводит войско, разгромившее Джеку, благодаря его верности Токте раскрывается заговор Турая и Сарайбуги, именно он требует к себе Какракисека для суда после казни заговорщиков.

Из вышеприведенных данных можно сделать несколько выводов. Во-первых, по всей видимости, информатор был один, так как повествование логично описывает внутривосточную историю Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков. Видимо, на основании сообщения Байбарса о женах и детях сторонников Ногая, взятых в плен после его смерти, проданных в Египет и принявших ислам, В.П. Костюков предположил, что подробное описание этого противостояния попало к Байбарсу через взятых в плен и проданных в рабство воинов Ногая [11, с. 89]. Но этому предположению противоречит и то, что «свидетель сражения», скорее всего, бежал вместе с сыновьями Ногая, и то, что он видел сражающуюся против Джеки Тогулджу.

Во-вторых, можно предположить, что информатор Байбарса – это высокопоставленный представитель проногаевской коалиции, входящий в окружение Таза и его жены Тогулджи. Учитывая его крайнюю информированность о событиях, последовавших за свержением Толабуги (он приводит двадцать три имени эмиров, казненных в ставке Токты по приказу Ногая, в сравнении с одним именем эмира Байтары из дублирующего сообщения от 1293–1294 года) можно предположить, что его жизнь, до ухода Мунджука к Ногаю, была связана с центральными регионами государства. Он участвовал в последней битве Ногая и бежал вместе с остатками его войска. В расколе среди Ногаидов после убийства Теки он явно занимает сторону Таза, Тунгуза и Тогулджи, осуждая Джеку за убийство брата. В битве между Тазом и Джекой он сражается рядом с Тогулджой и был в курсе дальнейшей судьбы Джеки, и о заговоре Турая и Сарайбуги.

В-третьих, в начале XIV века информатор попал в Мамлюкский Египет, где Байбарс с его слов и записал интересующий нас отрывок из «Зубдат ал-фикра».

Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах это произошло, неразрывно связан с двумя другими: во-первых, когда Рукн ад-Дин Байбарс завершил работу над своим трудом; во-вторых, какое сообщение золотоордынского информатора является наиболее поздним по хронологии?

Первый вопрос до сих пор является дискуссионным. Д.С. Ричардс отмечает, что согласно сообщениям ал-‘Айни и Ибн Тагриберди, Байбарс продолжал работу над «Зубдат ал-фикра» вплоть до самой своей смерти в 1324 году. Проблема состоит в том, что в 1312 году Байбарс был заключен под стражу и находился в заключении около пяти лет. У ал-‘Айни цитаты, в отношении которых авторство Байбарса не подлежит сомнению, доходят до 1312 года, то есть до

момента его ареста. А в «ат-Тухфа ал-мулукийя» они завершаются 1311 годом. Также неясным для источниковедов остается вопрос о том, писал ли Байбарс свою работу во время заключения или после выхода на свободу [31, р. 38–40].

С последним сообщением анонимного информатора из Золотой Орды также нет ясности. Относится ли к нему сообщение о войне между Ордуидами – вопрос сложный. На наш взгляд, скорее всего, относится, так как ключевым действующим лицом со стороны Джучидов является брат хана Токты, Бурлюк, которому информатор уделяет особое внимание при описании событий, последовавших за смертью Ногая.

Но есть еще один эпизод, который гипотетически можно отнести к сообщениям информатора. Он не сохранился в дошедших до нас рукописях «Зубдат ал-фикра» и присутствует только у ал-‘Айни, и явно в сокращенном виде у Ибн Дукмака [7, с. 361–362, 242–243]¹.

¹ «*О вступлении на престол Узбекхана, сына Тогрулджии, сына Мензутемира, сына Тогана, сына Бату, сына Душихана, сына Чингизхана.* Когда упомянутый Токтай умер в означенном году, то на место его вступил на престол указанный выше Узбекхан, сын брата упомянутого Токтайа. Помогший ему вступить на престол старший эмир из эмиров их ... по имени Кутлуктемир распорядился управлением государства, устройством дел его и сбором податей его. У этого эмира было два брата: Сарайтемир и Мухаммадходжа, которые вели для него дело. Обратился он (Узбек) за помощью к старшей из хатун их, которая была женой Тогрулджии, отца Узбекова, и называлась Байалун. Она оказала ему помощь, поддержала его и назначила ему вступить на престол. Кутлуктемир взял с него слово, что если он (Узбек) вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама. Сев на престол, он (действительно) принял ислам, усердно вступил в веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой /516/ совершал (все) пять молитв в установленное для них время. Но (за это) вознегодовали на него некоторые эмиры и собрались свергнуть его. Это были Тунгуз и Таз, сын Мунджука; по вступлении на престол и утверждении (на царстве) Узбек умертвил их и вместе с ними еще несколько других знатных лиц. Когда он и Кутлуктемир заметили козни их, то он (Кутлуктемир) посоветовал ему (Узбеку) отправиться в орду и приказать, чтобы войска и свита эмиров удалялись от него постепенно во время путешествия с тем, чтобы (ему) вступить в орду одному. Так он и сделал. Когда он (Узбек) приблизился к своему шатру и тех оказалось малое число вследствие разъединения их, как сказано было выше, то он увидел, что (настал) удобный случай управиться с ними, и наложил на них меч. Удалось уйти только немногим, и утвердилась власть за ним. Женился он на жене отца своего, Байалун-хатун, и находившийся при нем (человек) из людей науки дал ему фетву в том смысле, что отец его (Узбека) был неверный, поэтому брак его с этой женщиной был преступный. Тогда он взял ее себе в жены. Был у нее брат, по имени Байдемир, правивший городом Ургенджем и областью Хорезмскою. Он (Узбек) отставил его и поручил управление Ургенджем и Хорезмом упомянутому Кутлуктемиру. Она порицала его за это и бранила его по этому поводу, говоря: «Я добыла тебе царство да давала тебе деньги для того, кто требовал денег, коней для того, кто требовал коней, одежды для того, кто требовал одежд, улаживала этим (?) дела того, кто требо-

Сейчас сложно сказать, взят ли этот отрывок напрямую из Байбарса или попал в работу ал-‘Айни опосредованно через какой-то другой источник. Но создается впечатление, что перед нами вполне логичное завершение некоего повествования, в рамках которого судьба Таза и Тунгуза во внутренней политике Золотой Орды играет одну из ключевых ролей. Причем источник информации все так же хорошо осведомлен о внутривосточной ситуации в Золотой Орде.

Обычно, хорошая информированность египетских авторов о деталях прихода к власти в Золотой Орде хана Узбека, объясняется активным обменом посольствами между Сараем и Каиром в тот период [12, с. 11]. Прежде всего, обращается внимание на факт пребывания египетского посольства в Золотой Орде в момент смерти Токты и воцарения Узбека [19, с. 112]. Это предположение вполне уместно, но рассматриваемый фрагмент из «Зубдат ал-фикра», позволяет предположить наличие у автора не только дипломатических источников.

Можно ли определить, когда и при каких обстоятельствах анонимный информатор Байбарса оказался в Египте? Последнее событие, в повествовании о котором содержится ссылка на свидетельство очевидца, датируется 1300–1301 годом. Вероятность того, что рассказ о войне в улусе Орду после смерти Кончи и об участии в ней Бурлюка, который предположительно датируется 1309–1310 годом, так же относится к данному информационному блоку, на наш взгляд, крайне высока. Принадлежность к повествованию анонима сюжета с приходом к власти Узбека и убийством Тунгуза и Таза остается под вопросом, но такая вероятность имеется.

Политическая судьба Тунгуза и Таза в период правления Токты показывает, что он, покончив с Ногаем, отнюдь не стремился к полной зачистке бывшей проногаевской коалиции. Эмиры, вовремя проявившие политическую гибкость, были максимально возвышены Токтой. Более того, Турай и Каракисек – прямые потомки Ногая, очевидно не испытывали особых притеснений до того момента, пока Турай не решил свергнуть хана.

Вопрос о приходе к власти Узбека выходит за рамки нашего исследования. Тут стоит лишь отметить, что новый хан, расправившись с основными политическими оппонентами, практически сразу после своего прихода к власти начал активное дипломатическое общение с Мамлюкским Египтом, политическим итогом которого стал брак султана ан-Насира Мухаммеда и джучидской принцессы Тулунбии в 1320 году. Переговорный процесс был крайне сложным и обмен посольствами происходил практически ежегодно.

В энциклопедическом труде Шихаб ад-дина ан-Нувайри «Мунтаха ал-араб фи ‘алим ал-адаб» (Крайний предел необходимости по

вал моих услуг, а ты отставил моего брата». Тогда он (Узбек) извинился перед ней, и оба примирились. Аллах (впрочем) лучше знает (все это)».

части науки благовоспитанности) глава, посвященная Золотой Орде, завершается сообщением о прибытии в Каир послов хана Узбека в 1314 году. Ан-Нувайри сообщает, что «при них были подарки для нашего владыки, не походившие на обычные». В послании Узбек сообщал о принятии его государством ислама и о том, что в Золотой Орде осталась группа людей, противостоящих этому. После их отказа подчиниться, он частично уничтожил бунтовщиков, но нескольких пленных прислал султану [7, с. 132]. Надо думать, этим сообщением и объясняется «своеобразие» подарка.

Скорее всего, причиной столь нетривиального дипломатического жеста послужила не столько необходимость убедить султана в реальности своих намерений по исламизации Золотой Орды, сколько невозможность устранить бунтовщиков физически и значительная опасность их присутствия на родине. Институт аманатов – почетных заложников, был достаточно широко распространен в Средние века. В данном случае, он, по-видимому, был использован в силу близкого кровного родства некоторых противников Узбека и фигур, ему лояльных. В таком случае, их смерть неминуемо бы ставила вопрос о кровной мести, а нахождение в крайне отдаленном, но союзном государстве, давала бы в руки Узбека дополнительный рычаг управления.

Время прибытия этого посольства нуждается в определенном уточнении. Во-первых, сообщение ан-Нувайри явно сокращено, а во-вторых, согласно большинству источников, прибытие золотоордынских послов весной 1314 года, было первым дипломатическим контактом хана Узбека и султана ан-Насира. Маловероятно, что высокопоставленные заложники могли быть отправлены сразу, до установления прочных и постоянных межгосударственных связей.

Наиболее подробно и обстоятельно дипломатические контакты Золотой Орды и Мамлюкского Египта в первые годы правления хана Узбека освещаются в трудах Ибн Думака, ал-Макризи и ал-‘Айни [7, с. 243–246, 309–311, 361–366]. Исходя из сообщений первых двух источников, можно заключить, что решающим для переговоров о династическом браке стало посольство, прибывшее в Египет в конце 1317 года. Именно с ним в 1318–1319 году в Золотую Орду отправились Сайф ад-дин Утуджи и Сайф ад-дин Байрамкоджа, в сопровождении которых Тулунбия и прибыла в Египет [7, с. 244–245, 309–310]. Вряд ли можно буквально воспринимать известный сюжет о «неожиданном» решении хана Узбека по поводу брака Тулунбии и ан-Насира [7, с. 135–136, 363–365]. Не стоит забывать, что мы имеем дело с официальными египетскими историографами, склонными к сглаживанию наиболее спорных моментов во взаимоотношениях их руководства с союзными правителями. У ал-Макризи сообщается о том, что, отправляясь к Узбеку, послы имели при себе подарки стоимостью 10000 динаров [7, с. 310]. Видимо, это и была установленная во время переговоров 1317–1318 годов сумма выплаты. Но когда

посольство прибыло, в Орде решили поднять цену, и Сайф ад-дину Утуджи пришлось ссуживать еще 27000 динаров у сарайских купцов [7, с. 310].

Итак, одной из основных тем для переговоров между золотоордынским посольством, прибывшим в ноябре–декабре 1317 года в Каир, и султаном ан-Насиром, был предстоящий династический союз между Золотой Ордой и Египтом. Наиболее подробные сведения о посольстве присутствуют у Ибн Думака и ал-Макризи [7, с. 244, 309–310]. Послы доставили султану подарок от Узбека, состоявший из «трех соколов, шести невольников, кольчуги, булатного шлема и меча». Причем у Ибн Думака имеется уточнение о том, что подарок был воспринят как нечто экстраординарное и в глазах египтян являлся проявлением крайней щедрости, что явно перекликается с уже упомянутым сообщением ан-Нувайри о «подарках для нашего владыки, не походивших на обычные». В.П. Костюков использовал это сообщение как аргумент для обоснования малочисленности поставок рабов из Золотой Орды в Египет [9, с. 202]. На наш взгляд, подобная реакция могла быть вызвана скорее статусом рабов, нежели их количеством. По сообщению ал-Муфаддала, посольство, прибывшее в декабре 1317 года, доставило в Египет 200 невольниц и 300 невольников [7, с. 156]. Речь в данном случае идет о рабах, привезенных на продажу, как послами, так и сопровождающими их купцами, но сам объем завезенного «живого товара» говорит о том, что шесть подаренных султану невольников могли быть восприняты скорее как оскорбление, нежели как проявление почтения к его статусу, если они воспринимались как простые рабы.

Итак, есть вероятность того, что в конце 1317 года султану ан-Насиру были подарены несколько человек, состоявших в коалиции золотоордынской элиты, противостоящей хану Узбеку. Вопрос о составе этой коалиции крайне сложен. Он был достаточно подробно разобран Ж.М. Сабитовым [19, с. 111–115]. Несколько вариантов имен основных противников Узбека, убитых им и его сторонниками в ходе противостояния (Ильбасмыш и Кадак, Баджир Ток-Буга, Тунгуз и Таз), скорее всего, говорят о сложном составе коалиции, состоящей из нескольких групп, представленных рядом крупных фигур, погибших в ходе борьбы за власть. Тот факт, что в египетской историографии стали известны исключительно Тунгуз и Таз, может свидетельствовать о том, что заложники, отправленные в Египет, относились именно к этой группе.

Стоит так же отметить, что Рукн ад-Дин Бейбарс, заключенный под стражу в 1312 году, находился в заключении около 5 лет, а соответственно должен был получить свободу и частично вернуть свое положение в обществе либо во время пребывания золотоордынского посольства в Каире, либо сразу после его отъезда.

Более конкретные данные о прибывших с посольством невольниках на настоящий момент отсутствуют. Н. Нобутака в своей обширной статье, посвященной монголам, находящимся на службе у мамлюкских султанов, ссылаясь на работу ал-‘Айни, отмечает, что в 1317 году в Египет прибыл некий тысячник Тати с сотней воинов и их семьями [29, р. 59]. Связана ли эта группа с джучидским посольством 1317 года и вообще с Золотой Ордой, неясно.

В описании посольства 1317 года интересен так же список прибывших из Золотой Орды дипломатов. И Ибн Думак, и ал-Макризи первым в списке послов называют некоего Шерика, причем у Ибн Думака уточняется, что он являлся темником [7, с. 244, 248, 310]. Если учесть хорошую осведомленность информатора Байбарса о судьбе бежавшего к Шишману Какракисека, и оговорку «до нашего времени», позволяющую предположить относительно недавнее получение им сведений об их судьбе, то вполне возможно, что речь идет о бежавшем вместе с внуком Ногай Джериктемире.

Ж.М. Сабитов отождествляет Джериктемира с Токтемиром, сыном Джерика, сына Шибана [21, с. 32]. С данным предположением вряд ли можно согласиться по двум причинам.

Во-первых, Токтемир, а в рамках рассматриваемого источника – Джериктемир, на момент конца 90-х годов XIII века – это один из старших Джучидов, который по возрастному статусу должен быть равен Ногаю, а соответственно обладать должным политическим весом. Между тем, его имя не фигурирует в списке эмиров, поддерживавших Ногай в ходе первого столкновения с Токтой. Зато при перечислении представителей золотоордынской элиты, воевавших на стороне Токты в ходе его второго столкновения с Ногаем, называется некий Толоктемир, который вполне может быть отождествлен с потомком Шибана Токтемиром [7, с. 100, 102].

Во-вторых, не совсем понятно, как могла произойти подобная ошибка. Информатор Байбарса был вхож в золотоордынскую элиту, он, скорее всего, по памяти воспроизводил списки эмиров, казненных в 1291 году и членов коалиций Ногай и Токты. Он крайне внимателен даже к второстепенным фигурам, таким как ат-Табрас, сын Кайнара (ат-Табрас ибн Кайнар), который сопровождал Актаджи в Крыму и, по всей видимости, погиб вместе с ним [7, с. 101]. В случае технической ошибки переписчика, в тексте должно фигурировать «Темирджерик», объяснить же смысловую ошибку в данном случае сложно.

Возможно, посольство 1317 года возглавлял эмир, известный Рашид ад-Дину как Чериктай, который попал в плен к Хулагуидам в 1290 году [8, с. 158]. В.П. Костюков полагал, что это вторжение являлось логическим продолжением набега под командованием Тама-Токты весной 1288 года [11, с. 85–87]. Ранее мы придерживались того же мнения, но на настоящий момент эта проблема нуждается в более детальном анализе. Полностью принимая аргументацию автора

по вопросу первого набега, совпадающего по времени с посольством к ильхану Аргуну от Ногая, отметим, что ситуация с походом 1289 или 1290 года не настолько ясна.

У Рашид ад-Дина этот поход датируется по-разному. В «Рассказе о восшествии на престол Менгу-Тимура» говорится о том, что войско под командованием Тама-Токты и Буки пришло в Иран осенью 1288 года. Отражением набега руководили Тогочар и Кунджи-бала, а в ходе битвы погиб один из руководителей золотоордынского войска Бурултай [18, с. 82–83]. Но в «Повествовании об Арун-хане» вторжение датируется весной 1290 года. Описание куда более подробно, именно здесь дается список руководителей золотоордынского войска и сообщается о гибели Боролтая, Кадая и брата Иекече, а так же о пленении Чериктая, названного старшим эмиром Токты. Сообщается и численность золотоордынского войска – один тумен [17, с. 124–125]. Скорее всего, в «Рассказе о восшествии на престол Менгу-Тимура» смешались реалии двух набегов – 1288 года и 1289 или 1290 года.

В «Тарих-и-гузиде» Хамдаллаха Казвини, младшего современника и приближенного Рашид ад-Дина, это событие датируется весной 1289 года и описывается следующим образом: «Из Дешт-и-Хазара от Ногая прибыл в Иран эмир Бурултай с огромной армией. Аргун-хан выслал против нее эмира Тогачара и несколько эмиров, а вслед за ним отрядил эмира Чупана. В реби 688 (24 апреля – 22 мая 1289 г.) они сразились; эмир Чупан выказал там чудеса храбрости, и войско то было разбито. Это было первое сражение данное Чапаном» [8, с. 184].

Итак, погибший Бурултай был послан именно Ногаем. По все видимости, верно предположение Н.В. Хрипунова о том, что поход был совершен по приказу Толабуги, стремящегося разорвать мирные отношения между Ногаем и ильханом Аргуном [25, с. 237]. Стоит отметить, что это вторжение для золотоордынцев в каком-то смысле обернулось настоящей военной катастрофой, но достаточно странной. Из десятитысячного отряда погибло около трехсот всадников, но при этом в их числе три аристократа, среди которых личный представитель Ногая, а четвертый оказался в плену. Тут стоит вспомнить те обвинения, которые предъявлял Толабуга Ногаю после гибели своего войска в Карпатах и откровенный саботаж последнего, во время совместного с ханом похода на Польшу [15, с. 180–182]. Возможно также, что именно с подобным результатом похода связана вражда, вылившаяся в открытую конфронтацию во второй половине 90-х годов XIII века между Ногаем и Шибанидом Тама-Токтой, который был командующим пограничного отряда на Кавказе и, скорее всего, непосредственно руководил операцией.

Скорее всего, Чериктай, отождествляемый нами с Джериктемиром, недолго пребывал в Иране. После прихода к власти Токты, в 1294 году между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном был за-

ключен мир [15, с. 192–193]. После этого пребывание в Ильханате знатного военнопленного, связанного с человеком, приведшим действующего правителя союзного государства к власти, было вряд ли уместно. Иначе, сложно объяснить тот факт, что Рашид ад-Дин характеризовал Чериктая как старшего эмира Токты. Естественно, что он не мог им стать до момента своего пленения в 1290 году.

Если Чериктай, попавший в плен к Хулагуидам в 1290 году, родственник Каракисека, Джериктемир, бежавший с ним к Шишману после гибели Турая, и Шерик, возглавлявший посольство 1317 года в Каир – это одно лицо, то звали его, скорее всего, Черик-Тимур. Это имя было известно среди монгольской элиты, так, например, звали внука ильхана Хулагу [17, с. 20].

Мог ли бежавший от Бурлюка Черик-Тимур, с приходом к власти Узбека, вернуться в Золотую Орду, стать темником и возглавить одну из важнейших дипломатических миссий этого времени?

Крайне интересная информация об этом периоде золотоордынской истории содержится в труде «Фирдаус ал-икбал», представляющем среднеазиатскую историографическую традицию. Данное сочинение было написано в первой половине XIX века хивинским аристократом и ученым Шир-Мухаммад бен Эмир Аваз-бий-Мирабом по прозвищу Му'нис, и закончено его учеником, приходившимся ему племянником – Мухаммад Риза-мираб бен Эр-Нийазбеком по прозвищу Агахи. Труд написан на староузбекском. Интересующая нас часть работы, посвященная истории Хорезма до XVIII века, является компилятивной и основана на работах других историков. «Фирдаус ал-икбал», как и другие хивинские хроники, изучены крайне слабо, в особенности часть, затрагивающая ранние периоды [6, с. 431–434]. Критический текст данного сочинения был создан профессором Ю. Брегелем, который затем осуществил его перевод на английский язык.

В «Фирдаус ал-икбал» содержатся отдельные повествования о Ногай нойоне и его сыне Агхатай багатуре [27, р. 85–89]. Повествование о Ногае частично основано на каком-то источнике, автор которого пользовался Рашид ад-Дином, так как события, начиная со свержения Толабуги (который в источнике назван Тудаменгу) и воцарения Токты, и до конфликта между Ногаем и Салджитай-гурэном, очень близко, а иногда практически дословно повторяют «Джами' ат-таварих».

Дальнейшее повествование явно представляет собой самостоятельную среднеазиатскую историографическую традицию. Согласно источнику, ключевую роль в сражении играл старший сын Ногая, Агхатай багатур, от рук которого погиб Салджитай-гургэн. Сам Агхатай багатур погибает во время того же сражения от рук предателя мангыта Сонкор Мирзы, который отрубил ему голову и перешел вместе с войском к Ногаю. Ногай попал в плен к монголу по имени

Урус, но, узнав о гибели сына, не выдержал и умер на пути в ханскую ставку.

Но у Агхатай багатура остался сын по имени Нагхатай, которого отец еще до начала войны назначил правителем покоренных им черкесов. Узнав о смерти отца и деда, он бежал к черкесам, где и познакомился с Узбеком, который сделал Нагхатая своим нойоном. После прихода к власти, Узбек пожаловал ему титул эмира ал-умара (старшего эмира).

Стоит отметить, что, несмотря на явное позднее смешение исторических реалий в ряде сообщений, таких как отрубленная голова Агхатай багатура и пленение Ногай монголом Урусом (по сообщению Байбарса русский воин отрубил Ногаю голову), в источнике, помимо Рашид ад-Дина, прослеживаются явные параллели с поздней джучидской историографией. Например, упоминание о походе Булгар во время правления Менгу-Тимура, который, согласно «Фирдаус ал-икбал», возглавил по приказу Ногай Агхатай багатур, есть у Абуль-Гази, а нахождение Узбека среди черкесов до его воцарения подтверждается Утемиш-хаджи [27, р. 85, 884; 1, с. 100; 24, с. 106–107]. Вопрос о соотношении Ногайда Нагхатай и эмира хана Узбека Нагатай уже разбирали Ж..М. Сабитовым [20, с. 121–122; 22, с. 122]. Эмир Нагатай, с которым встречался Ибн Баттута, имел большое влияние во времена хана Узбека, который был женат на его дочери Кабакхатун [7, с. 221]. Его имя первым стояло в списке ордынских сановников в ярлыке хана Джанибека венецианским купцам. Он был главой рода кунграт и правителем Хорезма. Нагатай погиб в начале «Великой замятни», а в 70-е годы XIV века его сыновья Хусейн и Юсуф основали в Хорезме независимую кунгратскую династию Суфи [4, с. 78].

Вопрос о том, кто являлся отцом Нагатай, представляет отдельную и достаточно интересную проблему. По мнению Ж..М. Сабитова, Агхатай багатура можно отождествить с внуком Ногай, Актаджи, а Ж. Бейсенбайулы высказал предположение о том, что отцом Нагатай являлся Яйлаг, сын Салджитай-гургэна, женатый на дочери Ногай, Кабак [22, с. 122]. Последняя версия кажется нам маловероятной, несмотря на совпадение имен дочери Ногай и дочери Нагатай, которую могли назвать в честь бабки, так как в «Фирдаус ал-икбал» Яйлаг не упоминается вообще, а Салджитай-гургэн представлен одним из противников Агхатай багатура, которого он убивает. Гибель Салджитай-гургэна в ходе противостояния с Ногаидами косвенно подтверждается тем, что Рашид ад-Дин датирует его смерть 1301 годом [18, с. 104]. Предположение Ж..М. Сабитова о тождестве Агхатай багатура и Актаджи вполне допустимо, хотя сам этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

Для данного исследования важно, что в историографии Средней Азии вплоть до XIX века существовало представление о том, что родоначальник кунгратской династии Суфи был прямым потомком

Ногай, возвысившимся после прихода к власти хана Узбека. Есть основания предположить, что после воцарения в 1313 году Узбека, отношение к выжившим Ногаидам и их сторонникам изменилось, и, по крайней мере, часть из них была приближена новым ханом. Возможно, что одним из них был Черик-Тимур.

Судя по всему, Каракисек не входил в число вернувшихся в Золотую Орду беглецов. Его дальнейшая судьба неясна. Ж.М. Сабитов отметил возможность того, что Какракисек отразился в румынских (валашских) легендах, как основатель Валашского княжества Негру Вода, на основании этимологической близости их имен. Негру Вода в переводе с румынского означает «Черный воевода», что является прямой калькой со значения имени Каракисек (кара – черный, кешик – гвардия) [21, с. 32]. Это предположение вполне логично, хотя при принятии подобной интерпретации возникают определенные проблемы. Ж.М. Сабитов одновременно соотносит Каракисека с Негру Водой и Джериктемира (которого он отождествляет с Шибанидом Токтемиром, сыном Джерика) с Thosomegi (Тихомиром) – сын которого, Бессараб, был основателем одноименной валашской династии. Дело в том, что, несмотря на отсутствие в восточноевропейской историографии единого мнения о соотношении Негру Воды из валашских легенд и Тихомира, который упоминается в венгерских хрониках и документах, наиболее распространенной является гипотеза об их кыпчакском происхождении [26, р. 25; 14, с. 5]. Ввиду этого, не отвергая предположение о тождественности Каракисека и Негру Воды, отметим, что оно нуждается в дополнительной аргументации.

Брак султана ан-Насира и джучидской принцессы Тулунбии состоялся в 1320 году [7, с. 137, 156, 196]. Сами подробности прибытия посольства и брачной церемонии уже разбирались в научной литературе [5, с. 80–82]. Здесь будут рассмотрены лишь те вопросы, которые важны для понимания характера сообщений анонима и причин, по которым Байбарс включил их в свой труд.

В источниках нет ясности по поводу происхождения принцессы Тулунбии. Обычно ее генеалогия в арабских источниках рисуется следующим образом: Тулунбай, дочь Тукаджи, сына Хинду, сына Теку, сына Душихана, сына Чингизхана [7, с. 245, 310, 363]. Но у Ибн Хальдуна и ал-‘Айни сообщается о том, что в самом начале дипломатического общения хана Узбека и султана ан-Насира, эмир Кутлуг-Тимур, выступавший инициатором династического брака, предлагал султану в жены дочь Бурлюка, брата Токты [7, с. 274, 361]. Данное противоречие легко снимается, если предположить, что существовали как минимум две кандидатуры на этот брак, одной из которых была дочь Бурлюка, первоначально лоббируемая Кулуг-Тимуром, а второй – Тулунбия. Учитывая размер выплат со стороны Каира и тот факт, что род невесты, по всей видимости, получал какую-то часть из этой суммы, не говоря уже о соответствующем по-

литическом статусе, борьба между различными джучидскими группами была вполне естественной. В данном сюжете для нас важно то, что потомки умершего в 1309–1310 году Бурлюка, в начальный период правления хана Узбека, продолжали сохранять определенный политический статус и были связаны с Кутлуг-Тимуром, человеком, возвысившимся в период правления Токты, сыгравшим ключевую роль в приходе Узбека к власти и являвшимся одним из инициаторов династического союза с султаном ан-Насиром.

В свите принцессы Тулунбии в Каир прибыли два человека, сыгравшие впоследствии определенную роль в отношениях Золотой Орды и Мамлюкского Египта.

Первый – уроженец Хорезма, шейх Ала ад-Дин ан-Номан. Он был одним из информаторов ал-Омари [9, с. 203]. Из Каира он отправился на хадж в Мекку, после чего полтора года пробыл в Каире и возвратился обратно в Золотую Орду [7, с. 144]. Могла ли информация, касающаяся войны конца XIII – XIV веков в Золотой Орде, попасть к Байбарсу через него? Этот вариант крайне маловероятен. У ал-Бирзали дается хоть и краткая, но достаточно информативная биография шейха ан-Номана. В ней, в том числе сообщается, что он был рожден в 1259 году, путешествовал двадцать один год и вернулся в Золотую Орду в 1301–1302 году. Несложно заметить, что Ала ад-Дин ан-Номан покинул родину в период, хронологически соотносящийся со смертью хана Менгу-Тимура, а вернулся практически сразу после разгрома Ногая, когда уже подходила концу война между его сторонниками. Возможно, причиной его отъезда было изменение политического расклада сил в Золотой Орде в начале 80-х годов XIII века, а учитывая дату его возвращения, длительное путешествие могло быть связано с выходом на политическую арену Ногая как самостоятельной фигуры. В любом случае, он не мог быть свидетелем ни бегства Ногаидов, после трагического для них столкновения с Токтой в 1299–1300, ни разгрома Джекой войск Тунгуза и Таза в 1300–1301 году.

Вторым человеком был Сайф ад-Дин Кусун, монгольский купец, родившийся около 1302 года и прибывший в Египет вместе с посольством для продажи партии рабов. Существует две версии того, каким образом он стал мамлюком, приближенным к ан-Насиру Мухаммеду. Так или иначе, Сайф ад-Дин Кусун за очень короткий период стал одним из наиболее влиятельных эмиров при дворе египетского султана и женился на одной из его дочерей [28, р. 34–36]. По мнению В. Стинбергера, ан-Насир Мухаммед, содействуя возвышению Кусуна, стремился создать противовес влиятельным египетским мамлюкам [32, р. 454]. Сайф ад-Дин Кусун явно кичился своим монгольским происхождением. Каждый его выезд был организован в соответствии с традициями, принятыми в Золотой Орде: впереди ехали триста всадников, разделенных на два отряда, перед каждым из которых

шел музыкант, играющий на монгольском музыкальном инструменте [2, с. 23; 32, р. 454].

Кусун был родом из Крыма [7, с. 200]. Когда его позиции при дворе султана окончательно укрепились, он решил переправить в Каир своих родственников, находившихся в Золотой Орде. Ан-Насир Мухаммед с пониманием отнесся к желанию своего фаворита и написал два письма: одно хану Узбеку, а второе Тогайтемирташу Крымскому, после чего в 1327 году родня Кусуна прибыла в Египет. В числе прибывших был брат Кусуна Сусун [7, с. 370–371]. На следующий год после прибытия в Египет родни Кусуна, ан-Насир Мухаммед отдал Тулунбию замуж за своего эмира Менглибугу [7, с. 311–312]. Скорее всего, переправка близких была связана с предстоящим дипломатическим демаршем. Сусун, впоследствии так же ставший эмиром, после смерти Менглибуги женился на Тулунбие [7, с. 194–195]. Стоит отметить, что передача Тулунбии Менглибуге произошла в 1328 году, а гневное письмо от хана Узбека с требованием вернуть джучидскую принцессу пришло в Каир только в 1334–1335 году [7, с. 371]. Крайне сомнительно, что для реакции на публичное оскорбление правителю Золотой Орды потребовалось шесть лет. Нам неизвестна дата смерти Менглибуги, но, скорее всего, последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал брак Тулунбии с бывшим поданным монголом.

Для данного исследования важным является вопрос о личности Тогайтемирташа Крымского, с которым вел переписку египетский султан по поводу переправки семьи Сайф ад-Дина Кусуна. Сложно-составное имя Тогайтемирташ скорее всего, возникло в результате механической ошибки переписчика, и в оригинале было Тогай ибн Темирташ (Тогай сын Темирташа). Учитывая, что в источнике не говорится о том, что он был правителем Крыма, скорее всего, «Крымский» – это нисба «ал-Кирими».

Байбарс подчеркивает, что Актаджи был сыном Тогуджи, бывшей замужем за Тазом. Отцом Актаджи являлся Таштимур [7, с. 101, 272]. Мы полностью поддерживаем предположение Ж.М. Сабитова о том, что Актаджи являлся сыном Шибанида Таштимура, с отцом которого, Тама-Токтой, Ногай стремился закрепить союз. Судя по возрасту Актаджи, брак между Таштимуром и Тогуджой был заключен еще в 80-е годы XIII века [21, с. 32]. Отметим так же, что если Байбарс просто говорит об отправке Актаджи в «земли Крымские» для сбора податей, то Ибн Хальдун, который так же пользовался «Зубдат ал-фикра», сообщает, что Ногай отдал Актаджи Крым «в удел» [7, с. 101, 272].

Возможно, что Тогай ибн Темирташ – это сын Таштимура, сына Тама-Токты, обосновавшийся в Крыму после смерти брата еще в период правления Токты. По мнению Р.Ю. Почекаева, Тама-Токта поддержал Узбека после смерти хана Токты [16, с. 191]. Это предпо-

ложение входит в противоречие с гипотезой Ж.М. Сабитова о тождественности Токты из сообщения «Истории Шайх Увейса», умершего в 1303–1304 году, и начальника дербентского гарнизона Тама-Токты [21, с. 33]. Известно, что Шибаниды в период Узбека занимали привилегированное положение по сравнению с остальными Джучидами [10, с. 203–204]. Если наше предположение верно, тогда сообщение ал-‘Айни подтверждает наличие у отдельных групп, входящих в золотоордынскую элиту периода Узбека, достаточно сложных и противоречивых связей с монгольской диаспорой в Египте.

В заключение отметим, что сведения предоставленные информатором Байбарсу, на тот момент имели не только историческую ценность. В ситуации сложнейших переговоров по заключению династического брака, напрямую связанных с возродившейся идеей военного альянса против Хулагуидского Ирана, информация о деталях борьбы за власть в Золотой Орде была крайне актуальной. Если предположить существование сообщений, относящихся к периоду самостоятельного правления Токты в первое десятилетие XIV века, помимо описания действий Бурлюка, которые предшествовали рассказу о приходе к власти Узбека и гибели Тунгуза и Таза, то повествование могло представлять собой развернутую историю борьбы политических группировок, окончившуюся приходом к власти хана Узбека. Но, даже если эта предполагаемая часть хроники Байбарса отсутствовала изначально, в любом случае информация о процессах, оформивших современный на тот момент золотоордынский политикум, не могла не заинтересовать египетскую элиту, тем более если она исходила от крайне информированного участника и свидетеля событий. К тому же, многие действующие лица, такие как Кутлуг-Тимур, политически формировались в описываемый период и имели те или иные связи с уже ушедшими фигурами. Предположение о том, что повествование анонимного информатора было вставлено Байбарсом в текст «Зубдат ал-фикра» в период с 1317 по 1324 годы, может отчасти объяснить уже упоминавшееся противоречие между информацией ал-‘Айни и Ибн Тагриберди о том, что он работал над своим трудом вплоть до момента своей смерти в 1324 году и отсутствием в нем сообщений после 1312 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. М.: Баку, Ташкент, 1996. 186 с.
2. *Амин аль-Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М.: 1962. 40 с.
3. *Горский А.А.* Ногай и Русь // Тюркологический сборник. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 130–155.

4. Григорьев А.П. Ярлык Джанибека от 1342 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*, Вып. XIV. СПб.: СПбГУ. 1992. С. 33–86.
5. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
6. Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1969. 651 с.
7. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.
8. История Казахстана в арабских источниках. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620с.
9. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда Кипчакским ханством? // *Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи*. М.: Вост. лит., 2006. С. 199–237.
10. Костюков В.П. Улус Джучи и Синдром федерализма // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. Уральск: Полиграфсервис, 2007. № 1. С. 169–207.
11. Костюков В.П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. Уральск: Полиграфсервис, 2008. С. 43–98.
12. Лапина И.Ю. Политическая история Золотой Орды (1312–1380 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2013. 23 с.
13. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. 175 с.
14. Пилипчук Я.В. Війни Улуса Джучі 50–60-х рр. XIII ст. (європейський напрямок) // *Україна в Центрально-Східній Європі*. (в печати).
15. Порсин А.А. Политическая деятельность Ногая в Золотой Орде (1262–1301 годы): Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2010. 230 с.
16. Почкаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 406 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 281 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.
19. Сабитов Ж.М. Узбек-хан: проблема прихода к власти // *Золотоордынское наследие*. Казань, 2011. Вып. 2. С. 111–115.
20. Сабитов Ж.М. Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в 13–15 веках // *Вестник Евразийского национального университета*. Астана, 2012. № 3(88). С. 121–124.
21. Сабитов Ж.М. Улусы Шибана и Шибанидов в административной структуре Золотой Орды в XIII–XIV веках // *История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири*. Материалы Второй Международной Конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган, 2014. С. 31–38.
22. Сабитов Ж.М. Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 2(4). С. 120–135.

23. *Селезнев Ю.В.* Ногай – полководец и политик Золотой Орды // Сборник научных работ аспирантов и студентов Воронежского государственного университета. Воронеж: Петровский двор, 2000. Вып. 3. С. 66–76.
24. *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Алма-Ата, Гылым, 1992. 224 с.
25. *Хрипунов Н.В.* Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 233–272.
26. *Circumaru R.* Negru-Vodă and Dragoș. Legend and Historical Truth at the beginning of the Romanian Statehood // Codrul Cosminului. Suceava, 2009. № 15 (1). P. 23–43.
27. Firdaws al-iqbal. History of Khorezm Munis and Agahi / Translated from Chaghatay and Annotated by Yu. Bregel. Leiden–Boston–Köln, 1999. 795 p.
28. *Levanoni A.* A Turning Point in Mamluk History, the Third Reign of al-Nasir Muhammad Ibn Qalawun (1310–1341), (Islamic History and Civilization, Studies and Texts 10). Leiden–New York–Köln 1995. 256 p.
29. *Nobutaka N.* The Rank and the Status of Military Refugees in the Army of the Mamluk Sultanate: Reconsideration of the Wafidiyah// Mamluk Studies Review, Academic Journal. The Simple Work, 2006. P. 55–81.
30. *Reuven Amitai.* Al-Nuwayri as a Historian of the Mongols // The Historiography of Islamic Egypt (c. 950–1800) / edited by Kennedy, Hugh. Leiden, Brill, 2001. P. 23–36.
31. *Richards D.S.* A Mamluk Amir's Mamluk History: Baybars al-Mansuri and the Zubdat al-Fikra // The Historiography of Islamic Egypt (c. 950–1800) / edited by Kennedy, Hugh. Leiden, Brill, 2001. P. 37–44.
32. *Steenbergen V.* The amir Qawsun: statesman or courtier? (720–741 AH / 1320–1341 AD) // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras – III (Monograph Series: Orientalia Lovaniensia Analecta 102) / Vermeulen, U. & Van Steenbergen, J. (eds.). Peeters, 2001. P. 449–466.

Сведения об авторе: Артем Александрович Порсин – старший преподаватель, Филиал Московского психолого-социального университета, кандидат исторических наук (455049, ул. Советская, д. 195, корп. 3, Магнитогорск, Челябинская область, Российская Федерация); porsinart@gmail.com

**SOURCE OF INFORMATION OF RUKN AL-DIN BAYBARS
IN HIS DESCRIPTION OF THE CIVIL WAR IN THE GOLDEN HORDE
IN THE LATE 13TH – EARLY 14TH CENTURIES**

A.A. Porsin

(Moscow Psychological and Social University)

The article examines the question of the identity of an anonymous informant of Rukn al-Din Baybars who witnessed both the last Nogai's battle against Tokhta in 1299–1300 and the battle of the forces of the coalition led by Taz and

Tunguz against Chaka in 1300–1301. The author concludes that the Baybars informant was a member of the Golden Horde elite and was close to the Nogai daughter Toguldzha and her husband Taz. After khan Uzbek came to power and Taz and Tunguz were killed, the Golden Horde embassy was sent in Egypt with gifts including several captured opponents of a new Khan. It is possible, that among them was also a veteran of the war flared in the Golden Horde in the late 13th – early 14th century. Kinship with new Jochid elite that prevented to kill them without the threat of vendetta were the reason for this move. This embassy arrived in Egypt at the end of 1317. And probably after that the author included in “Zubdat al-Fikra” description of the war occurred in ulus of Jochi in the late 13th – early 14th centuries.

Keywords: Golden Horde, Egypt, Nogai, Taz, Uzbek, Zubdat al-Fikra, Rukn al-Din Baybars, embassy, amanat.

REFERENCES

1. *Abu al-Ghazi Bahadur Khan. Rodoslovnoe drevo tyurkov* [Genealogical Tree of the Turks]. Moscow, Baku, Tashkent, 1996. 186 p.
2. *Amin al'-Kholi. Svyazi mezhdur Nilom i Volgoy v XIII–XIV vv.* [Relations between the Nile and Volga in the 13th–14th centuries]. Moscow, 1962. 40p.
3. Gorskiy A.A. Nogai i Rus' [Nogai and Rus']. *Tyurkologicheskii sbornik* [Turkological Collection]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 130–155.
4. Grigor'ev A.P. Yarlyk Dzhaniybeka ot 1342 g. venetsianskim kuptsam Azova (Rekonstruktsiya soderzhaniya) [Yarlyk of Janibek Granted to the Venetian Merchants of Azov in 1342 (Reconstruction of content)]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of the Countries of Asia and Africa]. Is. XIV. St. Petersburg, 1992, pp. 33–86.
5. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom (XIII – XIV vv.)* [Diplomatic Relations between the Golden Horde and Egypt (13th–14th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 160 p.
6. Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishchulina K.A., Yudin V.P. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov* [Materials on the History of Kazakh Khanate in the 15th–18th centuries]. Alma-Ata, Nauka Kazakhskoy SSR Publ., 1969. 651 p.
7. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arab Sources]. Vol. I. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 713 p.
8. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arab Sources]. Vol. IV. Almaty, Dayk-Press, 2006. 620 p.
9. Kostyukov V.P. Byla li Zolotaya Orda Kipchakskim khanstvom? [Whether the Golden Horde Was a Kipchak Khanate?]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2005: Tyurkskie narody Rossii i Velikoy stepi* [Turkological Collection. 2005: The Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006, pp. 199–237.
10. Kostyukov V.P. Ulus Dzhuchi i Sindrom federalizma [The Ulus of Jochi and Syndrome of Federalism]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo*

Kazakhstan [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan] No. 1. Ural'sk, Poligrafservis, 2007, pp. 169–207.

11. Kostyukov V.P. «Zheleznye psy Batuidov» (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [“Iron Dogs of Shiban” (Shiban and his descendants in the wars of the 13th century)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. Ural'sk, Poligrafservis Publ., 2008, pp. 43–98.

12. Lapshina I.Yu. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (1312–1380 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Political History of the Golden Horde (1312–1380). Abstract of the dissertation]. Volgograd, 2013. 23 p.

13. Mys'kov E.P. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (1236–1313 gg.)* [Political History of the Golden Horde (1236–1313)]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2003. 175 p.

14. Pilipchuk Ya.V. Viyni Ulusa Dzhuchi 50–60-kh rr. XIIIst. (evropeys'kiy napryamok) [Wars of the Ulus of Jochi in the 1250–1260s (European direction)]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi* [Ukraine in Central-Eastern Europe]. (in press).

15. Porsin A.A. *Politicheskaya deyatel'nost' Nogaya v Zolotoy Orde (1262–1301 gody): Dis. ... kand. ist. nauk* [Political Activity of Nogai in the Golden Horde (1262–1301). Dissertation]. Kurgan, 2010. 230 p.

16. Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [The Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2010. 406 p.

17. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1946. 281 p.

18. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 214 p.

19. Sabitov Zh.M. Uzbek-khan: problema prikhoda k vlasti [Uzbek Khan: The Problem of Coming to Power]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde Legacy]. Is. 2. Kazan, 2011, pp. 111–115.

20. Sabitov Zh.M. Kungiraty v vostochnom Deshti-Kipchake v 13–15 vekakh [Khongirads in the Eastern Dasht-i Kipchak in the 13th–15th centuries]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Eurasian National University]. No. 3(88). Astana, 2012, pp. 121–124.

21. Sabitov Zh.M. Ulusy Shibana i Shibanidov v administrativnoy strukture Zolotoy Ordy v XIII–XIV vekakh [Uluses of Shiban and Shibanids in the Administrative Structure of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. *Istoriya, Ekonomika i Kul'tura Srednevekovykh Tyurko-Tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy Konferentsii (Kurgan, 17–18 aprelya 2014 g.)* [History, Economics, and Culture of Medieval Turko-Tatar Western Siberia. Proceedings of the Second International Conference (Kurgan, 17–18 April, 2014)]. Kurgan, 2014, pp. 31–38.

22. Sabitov Zh.M. Emiry Uzbek-khana i Dzhanibek-khana [Emirs of Uzbek Khan and Janibek Khan]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. No. 2(4). 2014, pp. 120–135.

23. Seleznev Yu.V. Nogay – polkovodets i politik Zolotoy Ordy [Nogay – Military Leader and Politician of the Golden Horde]. *Sbornik nauchnykh rabot aspirantov i studentov Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collected

Research Papers of Graduate and Undergraduate Students of the Voronezh State University]. Is. 3. Voronezh, Petrovskiy dvor, 2000, pp. 66–76.

24. Ötemiş-hajji. Chingiz-name. Alma-Ata, Gylym, 1992. 224 p.

25. Khripunov N. V. Mongol'skaya odezhda znati Zolotoy Ordy v 1266–1312 gg. [The Mongol Elite Clothing in the Golden Horde in 1266–1312]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization. Collected papers]. Is. 6. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013, pp. 233–272.

26. Cîrcumaru R. Negru-Vodă and Dragoş. Legend and Historical Truth at the beginning of the Romanian Statehood. *Codrul Cosminului*. Suceava, 2009. No. 15 (1), pp. 23–43.

27. *Firdaws al-iqbal. History of Khorezm Munis and Agahi*. Translated from Chaghatay and Annotated by Yu. Bregel. Leiden-Boston-Köln, 1999. 795 p.

28. Levanoni A. *A Turning Point in Mamluk History, the Third Reign of al-Nasir Muhammad Ibn Qalawun (1310–1341)*, (Islamic History and Civilization, Studies and Texts 10). Leiden–New York–Köln, 1995. 256 p.

29. Nobutaka N. The Rank and the Status of Military Refugees in the Army of the Mamluk Sultanate: Reconsideration of the Wafidiyah. *Mamluk Studies Review, Academic Journal*. The Simple Work, 2006, pp. 55–81.

30. Reuven Amitai. Al-Nuwayri as a Historian of the Mongols. *The Historiography of Islamic Egypt (c. 950–1800)*. Edited by Kennedy, Hugh. Leiden, Brill, 2001, pp. 23–36.

31. Richards D.S. A Mamluk Amir's Mamluk History: Baybars al-Mansuri and the Zubdat al-Fikra. *The Historiography of Islamic Egypt (c. 950–1800)*. Edited by Kennedy, Hugh. Leiden, Brill, 2001, pp. 37–44.

32. Steenbergen V. The amir Qawsun: statesman or courtier? (720–741 AH / 1320–1341 AD). *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras – III* (Monograph Series: Orientalia Lovaniensia Analecta 102). Vermeulen, U. & Van Steenbergen, J. (eds.). Peeters, 2001, pp. 449–466.

About the author: Artem Aleksandrovich Porsin – Senior Lecturer, Branch of the Moscow Psychological and Social University, Cand. Sci. (History) (455049, Sovetskaya st., 195, building 3, Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, Russian Federation); porsinart@gmail.com